

Идиллия. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> приятного чтения!

Идиллия. Лев Николаевич Толстой

[ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ]

оно заработки хорошо, да и грѣхъ бываетъ отъ того.

1.

<Петръ Евстратычъ теперь большой человекъ – управляющій. Легко сказать, надъ двумя деревнями начальникъ, какъ баринъ, повелѣваетъ. Одинъ сынъ въ купцахъ, другой чиновникъ, за дочерью, сказываютъ, 5 000 приданого далъ; да и самъ живетъ въ холѣ, какъ баринъ, каждый годъ деньги въ Москву посылаютъ. – А такой же нашъ братъ – изъ мужиковъ взялся, Евстрата Трегубова сынъ. Да и не Евстрата сынъ оно; вѣдь только по сказкамъ числится Евстратовымъ сыномъ, а настоящее дѣло вотъ какъ было. – Извѣстно, чей бы бычокъ не скакалъ, а теля то наше.

И мудреное дѣло, какъ этотъ грѣхъ случился. Не мало въ тѣ поры народъ дивовался. Тогда народъ проще жилъ, и такія дѣла за чудо были.

Бабушка Маланька, Петра Евстраточа мать, и теперь жива, съ братомъ Ромашей живетъ. Сынъ къ себѣ сколько звалъ – не хочетъ. Я, говорить, мужичкой родилась, мужичкой и помру, грѣха меньше; покуда силишка есть, брату подсобляю, внучать покачаю, кое что по домашнему приберу; а Петруша сильный сталъ, съ сильными грѣха больше. Такъ и живетъ, отъ сына гостинцы получаетъ, благословенье ему въ письмѣ посылаетъ, и радость ея вся, что въ праздникъ бѣленькимъ платочкомъ повяжется, чистенько приберется, костыликъ возьметъ, къ ранней обѣдни сходить, а послѣ полдней кого грамотнаго зазоветъ къ себѣ, велитъ бумажку почитать. На бумажкѣ сонъ пресвятой дѣвы Богородицы списанъ, ей богомолочка прохожая пожертвовала; а ужъ пуще всего любить, кто ей псалтырь почитаетъ. Въ милостынѣ тоже у ней отказа нѣтъ, и переночевать всякаго человека пустить, и къ усопшему сама безъ зову идетъ. Зато-то бабушку Маланьку, не за сына, а за добродѣтель ее, и старый и малый въ деревне, всѣ теперь почитаютъ.

Что молодость то значить. Теперь бы бабушка Маланька сама себя не узнала, какой она была лѣтъ 40 тому. Тогда ее не бабушкой звали, а – Маланька Дунаиха, за то что она первая хороводница, плясунья, игрица первая по деревнѣ была. Худаго за ней и тогда, до этаго случая, ничего не было, только веселая бой-баба была. Изъ деревни она была не изъ нашей, а изъ Малевки, сосваталъ ее Евстратовъ отецъ за сына, по знакомству ли, или что невѣсть своихъ не было, только чужая она. Старикъ еще въ порѣ былъ, на сына другую землю принялъ и жилъ исправно; лошадей головъ 8 было съ жеребятами, двѣ коровы, пчелки были (и теперь у нихъ ведется та же порода). Барщина была по Божьему, мѣки не было; свекровь хозяйка настоящая была, одна за троихъ работала; кромѣ того солдатка, ихняя сестра, съ ними жила, подсобляла. Такъ что молодайка нужды не видала.>

По старинному порядку, выдали ее замужъ[1] 15 лѣтъ. Она была дѣвочка. Въ первое время, когда она, бывало, несетъ съ солдаткой ушатъ воды, то качается, какъ лозинка. И мужа своего совсѣмъ не любила, только боялась.[2] Когда онъ подходилъ къ ней, она начинала плакать, щипать и даже кусать его. Такъ что первое время всѣ плечи, всѣ руки у него были въ синякахъ. Таки она не любила его два года. Но такъ какъ баба она была красивая и смиренная и изъ дому хорошаго, то ее не принуждали къ тяжелой работѣ, и она понемножку, года черезъ три или четыре, стала выравниваться, повзросла, раздобрѣла, разрумьнилась, перестала бояться – стала привыкать, привыкать, и такъ наконецъ привыкла къ мужу, что плакала, когда отецъ его въ городъ усылалъ.[3] Вошелъ къ нимъ въ избу разъ шутникъ Петра и говорить:

– Вишь, по комъ воетъ, конопатаго чорта-то какъ жалѣть.

И хотѣлъ онъ съ ней поиграть.

– Конопатый, да лучше тебя, что ты чистый. А вотъ что тебѣ отъ меня будетъ, – сказала она и ткнула его пальцемъ подъ носъ.

<Да и баба же стала на всѣ руки. Въ праздникъ уберется въ ленты, галуны, выйдетъ на улицу – (кряля изо всѣхъ бабъ молодайка, Ермилины жили богато и изъ дому то было и мужъ гостинцы приваживалъ) какъ купчиха какая – глаза свѣтлые, брови

Идиллия. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo

черные, лицо бѣлое. Войдетъ въ хороводъ съ платочкомъ Борша водить, или ленту сниметъ, плясать пойдетъ, языкомъ прищелкиваетъ, такъ ажъ пятки въ[4] спину влипаютъ – картина; – >

Бывало, пройти ей нельзя, всякой поиграть хочеть, старики и тѣ приставали. Со всѣми она смѣялась, а мужу вѣрна была, несмотря на то что мужа часто дома не бы[вало]. И въ работѣ первая опять баба она была, въ покось ли, въ жнитво-ли ухватку себѣ имѣла, что впереди всѣхъ, бывало, всѣхъ замучаетъ, а домой идетъ, пѣсни поетъ, передъ хороводомъ пляшетъ. <Свекоръ съ свекровью не нарадуются на сноху, что настоящая баба стала, только скучали, что Богъ дѣтей не даетъ.–>

– Что не рожаетъ, буде гулять-то, – скажетъ, бывало, старуха.– Порадовалась бы, хоть внучку бы покачала, право.–

– А развѣ я бы не рада, скажетъ, ужъ и то людей стыдно. Намеднись и то изъ церкви ребяtnицы прошли, молитву принимали, всего второй годъ замужемъ, а ужъ дѣти. Такъ у тѣхъ, небось, мужья дома живутъ.

Какъ вспомнить про мужа, опять завоюетъ, начнетъ причитать. Извѣстно, годъ, другой погулять бабѣ не порокъ, ну а какъ баба то ражая, а дѣтей не рожаетъ, и народъ смѣяться станетъ. <Отъ этого то Маланькѣ пуще тошно было, какъ свекоръ мужа услалъ. Старикъ старинный мастеръ былъ по колесной части и хорошихъ людей зналъ. Какъ Евстратка понялъ, его отецъ и сталъ посылать на заработки. А въ это самое лѣто, какъ грѣхъ то случился, и вовсе его отдалъ за 100 верстѣ до самага Покрова, а себѣ работничка нанялъ. Сына то за 120 рублей отдалъ, а работнику всего 32 рубля да рукавицы далъ, такъ извѣстно разсчитать.> Скучно ей было безъ мужа. Дѣло молодое, рабочее, баба въ самой порѣ, жили же исправно и мясо ѣли – тотъ пристаеетъ, другой пристаеетъ, а мужа почти полгода не видать. <И пѣсня поется: «Безъ тебя, мой другъ, постеля холодна». Придетъ ввечеру домой <сердешная>, поужинаетъ, схватитъ постелю да къ солдаткѣ въ чуланъ. Страшно, говорить, Настасьюшка, одной. Да еще все просится къ стенкѣ, а то все, говорить, чудится, что вотъ вотъ – схватитъ кто меня за мои ноженки.

2.

<Между тѣмъ дѣломъ подошли покосы.> Петра и Павла отпраздновали, платки, сарафаны, рубахи дорогіе попрятали бабы по сундучкамъ, а то пошли опять на пруду вальками стучать, гости разѣхались, цѣловалникъ одинъ въ кабакъ остался, мужики похмелились, у кого было, кто съ вечеру, кто поутру косы поотбили, подвязали брусницы на обрывочки и, какъ пчелы изъ улья, повысыпали[5] на покосы. Повсюду по лощинамъ, по дорогамъ, заблестѣло солнушко на косахъ. Погода стояла важная; до праздника дни за три мѣсяцъ народилеся погожій – серпъ крутой. Обмылся мѣсяцъ, и пошли красные дни. Покосы время веселое; и теперъ весело, а встарину еще лучше того было. Разрядются бабы, съ пѣснями на работу, съ пѣснями домой. Другой разъ, ночи короткія – винца возьмутъ, всю ночь прогуляютъ. – <Маланька впереди всѣхъ, что въ хороводъ, что на работѣ. Гогочетъ, заливаеетъ, съ мужиками смѣется, съ прикащикомъ смѣется, барина и того не оставила, а близко къ себѣ никого не пускаетъ. – >

Пришелъ сейчасъ послѣ Пасхи староста повѣщать <еще зорька только занимается>. Старостой тогда Михеичъ ходилъ, молодой былъ, и своя хозяйка первая еще жива была: только іорникъ насчетъ бабъ былъ. И мужичина бѣлый, окладистый, брюхо наѣлъ, въ сапогахъ, въ шляпахъ щеголялъ. Приходитъ въ избу, одна Маланька не одѣвши, босикомъ, дома была, въ печи убиралась, старикъ на дворъ съ работникомъ на пахоту убирался, старуха скотину погнала, а солдатка на прудъ ушла. Сталъ къ ней приставать.

– я тебя и на работу посылать не стану.

– А мнѣ что работа? Я, – говорить, – люблю на барщину ходить. На народъ веселій. А дома, все одно, старикъ велитъ работать.

– я, – говорить, – тебѣ платокъ куплю.

– Мнѣ мужъ привезетъ.

– я мужа твоего на оброкъ выхлопочу, – вѣдь ужъ я докажу прикащику, такъ все

сдѣлаю.

– Не нужно мнѣ на оброкъ. Съ оброка то голые приходятъ.

– Чтожъ, – говорить, – это такое будетъ; долго мнѣ съ тобой мучиться? – оглянулся, что никого въ избѣ нѣтъ, да къ ней.

– Мотри, Михеичъ, не замай! – какъ схватить ухватъ, да какъ огрѣеть его. А сама смѣется.

– Развѣ можно теперь? вотъ хозяинъ придетъ. Развѣ хорошо?

– Такъ когда жъ, съ работы?

– Ну, извѣстно, съ работы. Какъ пойдетъ народъ, а мы съ тобой въ кусты схоронимся, чтобъ твоя хозяйка не видала.

А сама на всю избу заливаётся, хохочетъ.

– А то, моль, разсерчаетъ твоя Марфа-то, старостиха.

Такъ что и самъ не знаетъ староста, шутить ли, или смѣется. А тутъ старикъ вошелъ обуваться, а она все свое, и свекора не стыдится. Нечего дѣлать, повѣстилъ, какъ будто затѣмъ только приходилъ – бабамъ сѣно[6] грестъ въ заклахъ, мужикамъ возить, – и пошелъ съ палочкой по другимъ избамъ. – Кого и не слѣдуетъ, всѣхъ[7] пошлетъ; кто и винца поставитъ, и то мало спуска даетъ, а Маланьку безо всего, или вовсе отпустить, или выбираетъ, гдѣ полегче. Только она за это ничего ему не покорялась, а все смѣется, приду – говорить. То же и съ другими. Мало ли ей въ это лѣто случаевъ было. Да и сама она говаривала. Никогда такого лѣта не было. Сильная, здоровая, устали не знала, и все ей весело. – Уберется, выйдетъ на покось, ужъ солнышко повзойдетъ изъ за лѣсу около завтрака, пойдетъ съ солдаткой, лѣсно заиграетъ. Идетъ разъ такимъ манеромъ черезъ рощу – покось на Калиновомъ лугу былъ. – Солнышко вышло, день красный, а въ лѣсу еще холодокъ стоитъ, роса каплетъ, птицы заливаются, а она пуще ихъ. Идетъ, платокъ красный, рубаха шитая, босикомъ, коты на веревочкѣ, только бѣлыя ноги блестятъ да плечи подрагиваютъ. Вышли на поле, мужики господскую пашутъ. Много мужиковъ, сохъ 20 на 10 десятинахъ. Гришка Болхинъ ближе къ дорогѣ былъ, – шутникъ, мужикъ, – завидѣлъ Маланью, завернулъ возжу, подошелъ поиграть, другіе побросали, со всѣми смѣется. Такъ до завтрака пробалясничали бы, кабы не прикащикъ верхомъ.

– Что вы, сукины дѣти, такіе сякіе, короводы водить.

Рысью на нихъ запустилъ, такъ пашня подъ копытами давится, грузный человекъ былъ.

– Вишь бляди, въ завтракъ на покось идутъ. Я васъ.

Да какъ Маланьку призналъ, такъ и сердце прошло, самъ съ ней посмѣялся.

– Вотъ я, – говорить, – тебя мужицкій урокъ допахать заставлю.

– Чтожъ, давай соху, я выпашу проти мужика.

– Ну буде, буде. Идите, вонъ еще бабы идутъ. Пора, пора грестъ. Ну, бабы, ну.

Совсѣмъ другой сталъ.

Такъ, какъ пришла на лугъ, стали порядкомъ, какъ пошла передомъ ряды раскидывать, такъ рысью ажно, смѣется прикащикъ, а бабы ругаютъ, что чортъ, замучала. Зато какъ пора объдать ли, домой, ужъ всегда ее къ прикащику посылаютъ; другіе ворчатъ, а она прямо къ начальнику, что, моль, пора шабашить, бабы запотѣли, али какую штуку отмочить, и ничего. Разъ какая у ней съ прикащикомъ штука приключилась. Убিরались съ покосами, стогъ кидали, а погода необстоятельная была, надо было до вечера кончить. За полдень безъ отдыха работали, и дворовые тутъ же были. Прикащикъ не отходилъ, за объдомъ домой посылалъ. Тутъ же, подъ березками, съ бабами сѣлъ. Только пообѣдалъ, – что, говорить, ты, кума Маланья, – онъ съ ней крестилъ; – спать не будешь?

– Нѣтъ, зачѣмъ спать.

– Поди ка сюда, поищи мнѣ въ головѣ, Маланьюшка.

Легъ къ ней, она смѣется. Только бабы позаснули, и М[аланья] то задремала; глядѣла, глядѣла на него, красный, потный лежитъ, и задремала. Только глядь, а онъ поднялся, глаза красные выкатилъ, самъ какой то нескладный.

– Ты меня, – говорить, – приворотила, чертова баба.

Здоровый, толстый, схватилъ ее въ охапку, волочетъ въ чашу.

– Что ты, – говорить, – Андрей Ильичъ, нельзя теперь, народъ проснется, срамъ, приходи, – говорить, – лучше послѣ. Отпусти раньше народъ, а я останусь.

Такъ и уговорила. А какъ отпустилъ народъ, она впередъ всѣхъ дома была. Сказывалъ парнишка, Андрей Ильичъ долго все за стогомъ ходилъ. – И это ея первая охота была, что всякаго обнадежить, а потомъ посмѣется. Такъ-то, какъ прѣхалъ баринъ въ самые Петровки, былъ съ нимъ камердинъ – такая бестія продувная, что бѣда. Самъ, бывало, рассказываетъ, какъ онъ у барина деньги таскаетъ, какъ онъ барина обманываетъ. Да это бы все ничего, только насчетъ <бабъ ужъ такой подлый, что страхъ>. Сбирались его тогда мужики побить, да и побии бы, спасибо, скоро уѣхалъ. А изъ нашего же брата. Полюбилась ему Маланька, сталъ тоже подъѣзжать, рубль серебра давалъ, синенькую, красенькую давалъ.

– Ничего, – говорить, – не хочу.

Такъ на хитрости поднялся. Старосту угостилъ что-ли, стакнулся съ нимъ. Весной еще было – молотили, темно начинали.

– Я, – говорить, – пользую на скирдѣ, а ты и пошли скидать одну. Тамъ моя будетъ.

– Ладно.

Только влѣзла она на скирдѣ, онъ къ ней.

– Постой, – говорить, – тутъ не ловко.

Взяла, снопы раскидала, яму сдѣлала да его туда и столкни а сама долой, лѣстницу сняла да на другой скирдѣ, раскрыла подаешь. Разсвѣло ужъ, такъ сказала, – то-то смѣху было. Бабы сбѣжались, партки съ него стащили, напихали хаботья и опять надѣли. Такъ все не пронялся, все старосту просилъ ее въ садъ посылать дорожки чистить. Тутъ то на нее баринъ наткнулся. И не слыхать за нимъ этаго прежде было. Видно, ужъ баба то хороша была. Только, – рассказывала сама, – смотрю, идетъ баринъ, дурной, худой такой, чудно какъ-то все на немъ. Прошелъ, я за работу, скребу; только хотѣла отдохнуть, смотрю – опять по дорожкѣ идетъ. Дорожки тамъ густыя, крытыя. Ну, думаю, по своему дѣлу гуляетъ. Только покосилась на него, такъ и впился въ меня глазами. Такъ до обѣда покою не давалъ, все ходить, смотреть. Такъ измучалась, что бѣда, на покосъ легче. А не подходить. Баринъ то, видно, такъ на нее глядитъ, извѣстно, господамъ, дѣлать нечего, а она думаетъ, за работой смотреть, такъ старается, что одна всю дорожку выскребла. Только хорошо, идетъ этотъ камердинъ опять къ ней.

– Барину, – говорить, – ты дюже полюбилась, велѣлъ придти вечеромъ въ ранжерею.

Ладно, думаетъ, это все твои штуки: приду, дожидайся.

– Мотри же.

– Сказано, приду.

Вечеромъ взяла скребку, пошла домой; только думаетъ, что и въ самомъ дѣлѣ баринъ, пожалуй, звалъ. Зазвала солдатку, задами полззли къ ранжереѣ, смотрять – ходитъ. Солдатка какъ закричитъ по мужицки, такой голосъ она умѣла дѣлать:

– Кто тутъ?

Идиллия. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo

Баринъ бѣжать. Бабы смѣялись, смѣялись, пришли домой, покатываются – всѣмъ рассказали. На другой день опять въ садъ посылають. <Только поваръ пришелъ, говоритъ: такъ и такъ, ты вѣрно камердину не вѣришь, такъ онъ меня прислалъ. Что взаправду онъ тебя хочеть и непременно велѣлъ приходить.

– Ладно, я, – говоритъ, – думала, что камердинъ, такъ пошутила, испугать хотѣла, а теперъ приду.

Какъ работу кончила, такъ прямо въ домъ да на дѣвичье крыльцо.

– Чего, молъ, тебѣ?

– Баринъ велѣлъ.

Вышла барыня.

– Чья ты? – говоритъ, – какая ты, – говоритъ, – хорошенькая. Зачѣмъ тебя баринъ звалъ?

– Не могу знать.

Вызвали барина, красный весъ пришелъ.

– Приди, – говоритъ, – послѣ съ отцомъ, а мнѣ теперъ некогда.

А то разъ днемъ къ ней подшелъ, такое началъ говорить, что она не поняла ничего. Только хотѣлъ ее за руку взять, она какъ пустится бѣжать, и ушла отъ него>.

Такъ-то она гдѣ хитростью, гдѣ обманомъ, а гдѣ силой. Разъ поставили солдатъ къ нимъ въ избу. Извѣстно, всѣ вмѣстѣ спать легли. Почти рядомъ. Съ вечера юнкеръ, изъ господъ чтоли, свекора напоилъ; какъ потушили свѣчу, ползѣ къ ней. Такъ она его такъ огрѣла, что хотѣли жаловаться, чуть глазъ не выбила ему. А то другой разъ офицеръ стоялъ, такъ тоже обѣщала, да замѣсто себя ночью солдатку подсунула.

3.

Такъ-то она никому спуску не давала. Мало того: кто къ ней не пристаеть, такъ она сама пристанеть – раздразнить да и посмѣется.

– Не сдобровать тебѣ, повѣса, наскочишь, – бывало, скажешь ей.

– А чтожь, – скажеть, – коли они меня любятъ, развѣ я виновата. Чтожь, плакать что ль. Отчего не посмѣяться.

<Жиль у нихъ въ это лѣто работникъ, Андреемъ звали, изъ Телятинокъ онъ былъ, Матрющки Коровайхи сынъ. Теперъ онъ большимъ челоукомъ сталъ; а тогда бѣднѣ ихъ двора по всей окружности не было. Отъ бѣдности отдали малаго, а сами Богъ знаетъ какъ перебивались. – <Андрюшка тогда былъ вовсе мальчишка, годовъ 16, 17. Длинный, худой, вытянулся, какъ шалашъ, куда хочешь шатни, силишки вовсе не было. И какъ онъ работалъ, Богъ его знаетъ, изъ послѣднихъ силъ выбивался. Малый же старательный, смирный. Хозяина пуще становаго боялся. Да и всякаго старшаго мужика уважалъ. Бывало, въ праздникъ, чужой за виномъ пошлетъ – бѣжить, старается. А ужъ съ бабами или дѣвками – ну да дѣвки у насъ какія – поиграть, этаго отъ него никогда невидно было. Какъ красная дѣвушка зарумянится и сказать въ отвѣтъ ничего не умѣеть, коли съ нимъ баба пошутить. Лицомъ, правда, чистый, акуратный былъ, глаза свѣтлые, волосы русые, [8] ну да все какой красавецъ – такъ, работникъ мальчишка–армячишка платаный, рубашенка посконная, въ дырѣяхъ, шляпенку какую то у ямщиковъ старую вымѣнилъ – босикомъ али въ лаптишкахъ, и тѣ самъ сплелъ – вся и обувь была. Такъ вѣдь и работнику лядащему покоя не дала, совсѣмъ одурила малаго. – Онъ самъ сказывалъ:

– Пришелъ я, – говоритъ, – въ домъ, боюсь, страхъ. Хозяинъ ничего, указалъ все, велѣлъ, что работать; когда на барщину пошлетъ, когда съ собой возьметъ; косить или что не принуждаеть, пожалѣеть; что самъ ѣсть, то и мнѣ дастъ; старуха тоже молочка другой разъ дастъ; попривыкъ къ нимъ, только молодайки пуще всѣхъ боялся. Богъ ее знаетъ, чего ей отъ меня нужно было. Запрягать ли начну, или за

Идиллия. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo

соломой на гумно скотинъ пойду, подскочить, вывереть изъ рукъ. «Вишь, – говорить, – телятинскій увалень, коли поворотится, коли что». И сама начнетъ, да такъ-то живо, скоро все сдѣлаетъ, засмѣется, уйдетъ. А то за обѣдъ или за ужинъ сядемъ, боюсь все чего-то, глазъ не поднимаю; гляну на нее, а она все на меня косится, подмигнетъ другой разъ, смѣется. А то пройдетъ, ущипнетъ, а сама какъ ни въ чемъ не бывало. Пойдутъ съ солдаткой на амбаръ спать.

– Андрюшка, а Андрюшка! – слышу, зовутъ. Подойду.

– Чего?

– Кто тебя звать?

И заливаются, смѣются.

Проснулся разъ, въ саняхъ на дворъ спалъ, что бабы помираютъ, смѣются, на меня глядя.

– Заспался, – говорятъ, – поди, хозяинъ зоветъ.

Пошелъ.

– Что ты, – говорить, – измазался, хоть помойся, табунъ шарахнется, настоящій чортъ; на, поглядись въ зеркальце.

Всего сажей испачкали. – Поѣхали разъ за сѣномъ въ Кочакъ, хозяинъ послалъ, съ бабами. Только сгребли въ валы, копнить стали. Баба такъ и кипить, подпрыгиваетъ съ вилками, пуда по 3 на граблю захватить, и Андрюха съ ними. Только скопнили послѣднюю, жарко, мочи нѣтъ, запотѣли, Андрюха навилину послѣднюю положилъ, влѣзь на копну, топчетъ.

– Что ты, – говорить, – Андрюшка, никогда съ бабами не играешь?

– Нѣтъ, чего играть, копнить надо.

– И не знаешь, какъ?

– Не знаю.

– Хочешь, я поучу?

Онъ молчить. Схватила его, повалила подъ себя и ну мять, а солдатка на нихъ сѣна навалила да сама навалилась.

– Мала куча, – кричить.

Андрюха вывернулся изъ-подъ нея, ухватилъ[9] за голову и ну цѣловать, такъ осмѣлился. Такъ разсерчала.

– Вишь сволочь, работничиска, цѣловаться лѣзетъ губищами своими погаными.

Вскочила, такъ засрамила, что бѣда. Малый совсѣмъ ошалѣлъ. Пришелъ домой, ничего не понимаетъ, что хозяинъ велить. Хозяинъ любилъ его, такой малый смирный, усердный, что поискать.

– Что, моль, съ Андрюхой сдѣлалось, ужъ не умираетъ ли?

– Какъ же, умираетъ, онъ все съ бабами играетъ. Пора умирать гладуху такому въ самую рабочую пору. Вотъ и я умирать стану.

Пуще малаго засрамила, что хоть бѣжать, мочи ему не стало. Приворотила его совсѣмъ послѣ этаго раза, что какъ бы только посмотреть на нее, а самъ боится пуще начальника какого. – Боится, а ночи не спитъ, днемъ не спитъ, все за ней ходить. Разъ на покось, у Воронки, вмѣстѣ мужики и бабы были, косили заклы, а бабы гребли на Калиновомъ лугу. Пошли бабы купаться въ обѣдъ и мужики тоже; мужики съ одной стороны, бабы с другой стороны рѣки. Тишка шестипалый, даромъ что женатый, шутникъ былъ, подплылъ къ бабамъ, началъ топить Маланьку.

Идиллия. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo

– Платокъ замочу, – кричить, – брось, брось, чортъ, чуть не захлебнулась.[10]

Откуда ни вывернулся Андрюшка, да къ Тишкѣ:

– Что ты ее топишь?

Подрались было. – Какъ завидить, М[аланья] купаться поидеть, залзеть въ камыши, смотритъ. Разъ его бабы застали, повыскочили изъ воды, такъ въ рубахѣ въ воду втащили. Совсѣмъ одурѣлъ малый, только пища то не очень сытная, чаемъ не поили, да и работа день деньской, а какъ вечеръ, такъ въ ночное [съ] старикомъ, такъ некогда о пустякахъ то думать было. – Особенно съ того раза, <какъ> послѣ покоса то она его осрамила, ничего ужъ онъ съ ней не говорилъ. Чтѣ бы не дѣлала, не буду, говорить, виду показывать. Хорошо. Погода всѣ покосы въ этотъ годъ стояла важнѣйшая. Не сѣно, а чай убирали; накануне скосятъ, а на другой день въ валы гребѣ.[11] Барское все убрали, и свое мужички посвозили, – тогда угодей много было, – воевъ по 6 на брата привезли, и еще дальнѣй покосъ въ роцѣ оставался воза по два, да еще подрядилъ дворникъ нашу барщину изъ-полу убрать казенные луга. Онъ ихъ нанималъ. Барщина у насъ большая была, и затяглыхъ много. Взались такіе, у которыхъ лишнѣй народъ былъ. У старика Евстратова работникъ былъ да солдатка, такъ самъ съ старухой на барщину ходилъ, а Андрюху съ М[аланьей] послалъ къ дворнику. Верстъ за 9 отъ деревни дворниковъ покосъ былъ. Собралось косъ 20. Наканунъ еще мужики пошли, скосили, на другой день бабы прѣхали; заложили тельги, забрали хлѣба, квасу, огурцовъ, котелочки, крупъ и поѣхали на недѣлю. Всю дорогу пѣсни,[12] смѣхи; бабы, мужики человекъ по 10 въ тельгу насѣли. Андрюха своего хозяйскаго пѣгаго меренка заложилъ – первая лошадь въ деревнѣ была (и теперъ заводъ этотъ у нихъ ведется). Уложилъ косы, у другихъ ребятъ взялъ, бабы – грабли, котелки, сѣлъ съ бабами, какъ князь съ княгиней ѣдутъ. Даже народъ смѣется. Выѣхали на большую дорогу. Сталь[13] народъ перегоняться. М[аланья] говорить:

– Пошелъ!

– Хозяинъ не велѣлъ.

– Вишь попъ какой. Валяй!

– Смотри, я отвѣчать буду, а не ты.

– Ну, пошелъ!

Вырвала у него возжи.

– Ну, сама дѣлай.

Взялъ слѣзь, пошелъ пѣшкомъ. Такое сердитое лицо сдѣлалъ.

Какъ прѣхали мужики – изъ себя же старосту выбрали – показалъ мѣсто, живо лошадей поотпрягли, поспутали, ящики посняли, загородили, деревья понагнули, шалашики подѣлали, сѣнцомъ покидали, пошла работа. Андрей приходитъ.

– Гдѣ, – говорить, – меринъ?

– А я почемъ знаю? Развѣ я работница? Ты бы ломался.

Что съ бабой говорить. Махнувъ рукой, пошелъ у мужиковъ спрашивать. Нашелъ, спуталъ. Обидѣлась М[аланья], ничего не сказала. Постой, я те вымещу, думаетъ. Пошла работа: бабы въ валы гребутъ, пѣсни поютъ. Мужики за ними копняютъ вилами. Старикъ дворникъ прѣхалъ, шутить съ народомъ.

– Пожалуйста, братцы, постарайтесь, – говорить, – погода не устоитъ, вамъ же хуже.

– Винца полведра поставь.

– Ладно, – говорить.

Такъ любо-дорого смотрѣть, какъ работа пошла. Въ объѣдъ полчаса вздохнули, опять за дѣло. На барщинѣ того бы въ три дня не сработали. Весело, дружно. Одному

Идиллия. Лев Николаевич Толстой to1stou1eo

только Андрюхъ пуще другихъ дней тошно.[14] Разсчесть возьму, думаетъ,[15] пойду къ матушкѣ, скажу – на дорогѣ наймусь. А самъ все на Маланью смотреть. – Подъ горой, видать, она передомъ по косоугору идетъ, и ногой и граблей подкидываетъ сѣно, въ два аршина загребааетъ, сама пѣсню поетъ, а нето гогочетъ, на всю рощу заливаются. На него и не посмотритъ ни разу. Еще ему тошнѣй того. Нѣтъ, бросить надо, думаетъ себѣ, не тотъ я человекъ. Пришли къ тельгамъ, ужъ темно, поужинали, винца выпили. Маланья Андрюшкѣ слова не сказала. Которые старше, спать полегли. Бабы по стаканчику выпили, такъ– то раскуражились, что и спать не хотятъ. Стали хоромы водить. Старикъ дворникъ съ ними; еще за виномъ послали. Андрюхъ грустно еще пуще того: все народъ богатый, да и свои, а онъ чужой, работникъ; вино же онъ не пилъ и привыкать не хотѣлъ. Взялъ армячишко, ломоть хлѣба отломилъ, пошелъ въ сторону на копну, у березы стояла. Сѣно не готово еще было. Сгрести только отъ росы, – завтра разваливать опять хотѣли, на погоду глядя. – Сѣно сырое, зеленое еще, пахучее. – Поскидалъ верхъ сырой, крупный – лѣсное сѣно – постелилъ армякъ – легъ; такъ–то ему грустно, грустно стало. Тамъ, изъ–за лѣсу, бабы кричатъ, смѣются – ребята за ними гоняются, Маланьинъ голосъ слышно, – дымокъ до него доносить вѣтеркомъ. А на небѣ чисто, чисто, звѣздочки дрожать. Легъ навзничъ, какъ ни усталъ, сталъ[16] на звѣзды смотрѣть. За лѣскомъ затихло все, а ему все не спится. Со скуки сталъ пѣсню пѣть. Только, что такое – копна шевелится.

– Кто тутъ?

Глядь, бабы.

– Кто ты, чего?

Узналъ – солдатка съ парнемъ прошла въ кусты, другая баба и есть Маланья; взяла, ничего не говоримши, подошла къ нему, съела на копну.

– Это я. Что пересталъ – пой, Андрюша.[17]

Андрюшка заробѣлъ, хочеть пѣть, какъ будто голосъ пропалъ.

– Что жъ ты, пой.

Взяла его за рукавъ, дергаетъ.

– Я люблю эту пѣсню, наскучили мнѣ мужики, я отъ нихъ ушла. Пой же.

– Ну... Оставь.

– Что тебѣ, скучно?

Молчить.

– Чего тебѣ скучать? Вотъ мнѣ безъ мужа такъ скучно, а тебѣ что? Сытъ, сухъ, чего тебѣ еще?[18]

– Что тебѣ въ мужъ, у тебя и безъ мужа много.

<– Не милъ мнѣ никто, Андрюша. Тошно, скучно мнѣ, мочи моей нѣтъ. Не милъ мнѣ никто, окромя мужа. – А что жъ ты съ бабами не играешь?

– Что жъ, я чужой, у васъ своихъ ребятъ много.

– Ты серчаешь на меня?

– Нѣтъ, за что жъ?

– Экой ты горькой, право, посмотрю я на тебя, нелюбимой ты, право. А за мерина разсерчалъ?

– Нѣтъ, Маланьюшка, я тебѣ всю правду скажу... ты меня оставь. Что я тебѣ?... я работникъ... а то совсѣмъ глупъ сталъ... вѣдь самъ себѣ не властенъ... я на тебя и не смотрѣлъ прежде... мало ли, кажется, другихъ бабъ по деревнѣ... право, ты оставь... А что скучно, такъ дома давно не былъ...

Идиллия. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo

<Она молчала и складывала занавѣску вдвое, потом вчетверо и опять раскладывала.>

– А что жь, женить скоро?

– А Богъ знаетъ.

– Я бы за тебя пошла.

Андрюшка помолчалъ. Въ кустахъ зашумѣло и свиснулъ кто-то. Андрюха засмѣялся.>[19]

– Вишь, Настасья хозяйина нашла.[20]

– Я бы пошла за тебя.

Маланья встала, съла на колѣни къ Андрюхѣ, обѣими руками взяла его за щеки и поцѣловала.

– Никто мнѣ не милъ, никто мнѣ не милъ.

Изъ кустовъ зашевелилось, она вскочила и побѣжала къ солдаткѣ.

– Что ты со мной дѣлаешь, что ты со мной сдѣлала, – сказала Андрюха и ухватила[21] ее за руку. Но она вырвалась:

– Брось, вишь народъ идетъ, увидить.

Андрюха не спалъ всю ночь, а она съ солдаткой пришла къ тельгамъ и завалилась спать посередь бабъ и заснула, какъ мертвая, ничего не слыхала, не видала. Андрей долго сидѣлъ на копнѣ, слушалъ, рыскалъ около тельгъ, но Маланья не встала; слышалъ онъ только, какъ собаки лаяли на станціи, какъ пѣтухи закричали, птицы проснулись, мужики пришли, смѣнились изъ ночнаго, какъ роса холодная покрыла землю и сѣно. Онъ самъ не помнилъ, какъ заснулъ. На восходѣ его разбудили. Маланья была такая же, какъ всегда, какъ будто ничего не было. –

4.

Какъ роса посошла, позавтракали, принялся народъ опять за работу. Самая веселая работа подошла, возить, въ стоги метать; кто поѣхалъ хворосту на падрину рубить, кто тельги запрягалъ, кто копны разваливалъ, кто жеребій кидаетъ. День былъ красный, а старики говорили, что по примѣтамъ не устоятъ: росы мало было, табакъ у дворника въ тавлинкѣ къ крышкѣ прилипъ, ласточки низомъ летали, и мгла въ воздухѣ была, изъ дали не синѣло и такъ то парило, что силъ не было.

До обѣда ужъ порядочный стогъ скидали, съ тельгъ подавать стали и за большими вилами послали – не доставали. На скирду 3-е подавальщиковъ, 2 съ каждой стороны, одинъ очесываетъ. Дворнику сначала клали. Онъ самъ распустилъ поясокъ, тоже подаетъ – брюхо толстое – такъ и льетъ съ него. –

Бабъ возить заставили. Маланька съ солдаткой возять; только привезетъ, на возу сидеть, мужики закрутятъ, валютъ, чтобъ ее свалить, только успѣвай соскакивать,[22] а то вывалютъ съ сѣномъ, то-то смѣху. Разъ не поспѣла, вывалили. Андрюха въ подавальщикахъ былъ со мной. Хоть наша сторона по легче была, въ тѣни, а замаялся мой малый безъ привычки, такъ что бѣда. Ну извѣстно, передъ народомъ старается не отстать, навилить, навилить, – особо, какъ бабы смотрятъ, – перегнетса, перехватить – другой разъ не подъ силу, ну подѣмешь. Пойдетъ, ноги подламываются, навиллина надъ головой, сверху на потное лицо сухія травки сыпятса, липнуть. Тутъ заростъ, чьи скорѣе подаютъ. «У насъ больше». И шумъ, и смѣхъ, и работа то, и запахъ, какъ одурѣлый сдѣлаешься. А дворникъ все подгоняетъ – тучки собираются; что подгонять, дѣло свое – стараются изъ послѣдней моченки. Къ обѣду скидали одинъ стогъ, вывершили, веревку перекинули, спустились. Андрюха пошелъ, рукъ не чувствуетъ. Чуть вздремнули, другой кидать стали. Охабками сначала живо идетъ, по зеленому листу падрины, потомъ выше, выше наши бабы зарютса, бѣда. Тучки же заходятъ.

– Братцы, кидай пупомъ, живо, ведро поставлю.

Идиллия. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo

То-то закипѣло. А тучка ближе, ближе, вѣтеръ поднялся. Залѣзь наверхъ дворникъ, на него кидать пошли; борода раз- вѣвается, не успѣетъ огребать, завалили совсѣмъ; выльзетъ, опять завалитъ.

– Давай еще! Принимай! вали съ бабой! Круче вывершивай, отопчи, одергивай сверху. Еще осталось много ли?

– Двѣ копны за кустами.

Бабамъ ѣхать пришлось – не знаютъ, говорятъ. Андрюха мой, вижу, ослабѣлъ вовсе, бьется, да ужъ какъ листь дрожить.

– Ступай, ты знаешь.

А вѣтеръ сильнѣй, сильнѣй, тучка такъ и надвигаетъ, борода и рубаха у дворника треплются, какъ на скворешницѣ. Обтеръ потъ Андрюха, полѣзь въ телѣгу.

– Давай бабу еще на верхъ, – кричить.

– Намъ давай.

Послали солдатку. Одернули съ колесъ сѣно.[23] Маланька встала, ухватилась за возжи, только ноги да груди подрагиваютъ. Андрей, какъ кулекъ какой, черезъ кочки треплется. За кусты поѣхали. Подѣхали, слѣзь навивать Андрюха, баба на возу принимать осталась, только посмѣвается, глядя на него, ничего не говорить, охабками укладываетъ по грядкамъ, на него поглядываетъ. Хотѣлъ онъ навилину подать, подкосились ноги, упалъ на сѣно, моченьки не стало,[24] пересталъ навивать.

– Что жъ ты?

– А вотъ убью себя. Душегубка ты, вотъ что, злодѣйка, да, убью тебя и себѣ конецъ сдѣлаю.

Соскочила к нему.

– Что ты, Андрей! Аль[25] одурѣлъ, али испортили?

Схватилъ ее за ручки:

– Не мучай ты меня, Маланьюшка, мочи моей не стало, али прогони ты меня съ глазъ своихъ ясныхъ, не вели ты мнѣ жить на бѣломъ свѣту, али пожалѣй ты меня скольконибудь. Знаю я, что не мнѣ чета за тобой ходить, и хозяйинъ у тебя мужикъ хорошій. Не властенъ я надъ собою. Умираю – люблю тебя, свѣтъ ты мой ясный.

А самъ ухватилъ ее за руки, заливается плачетъ.

– Вишь, силы нѣтъ навивать, а влипъ, какъ репейникъ, брось, вишь что выдумалъ. Брось, говорятъ, вотъ я хозяину скажу.

– Да вѣдь ты сама... зачѣмъ ты вчера меня цѣловала?

– Вчера хотѣлось, а нынче работать нужно. Ну, вставай, брось. Нонче ночь наша будетъ.

– Правда, Маланьюшка?

– А то развѣ лгать буду. Правда, что ночь будетъ. Вишь дождикъ. Ну!

Нечего дѣлать, очнулся кой какъ, навиль возъ, перекинулъ веревку, поѣхали. Идетъ подлѣ.

– Не обманешь?

– Вѣрно.

А сама все смѣется.

Идиллия. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo

Скидали возъ, только успѣли, а ужъ дождикъ крапить. Живо подъ тельги забился народъ, шабашъ. Дворниково сѣно убрали, свое осталось. – Дѣлать нечего, пошелъ народъ по домамъ. Вѣдь догадалась же, шельма. Андрея оставила съ тельгой, сама съ солдаткой домой пошла. Только вышли, Никифоръ, что съ солдаткой жилъ, за ними. Отстала солдатка, М[аланья] одна домой пошла. Дождичекъ прошелъ, солнышко проглянуло, идти лѣсомъ. Маланька разулась, подобрала паневу на голову, идетъ, ноги бѣлые, стройные, лицо румяное, ну какъ ни приберется, все красавица – красавица и есть. –

Туть ее, видно, Богъ и наказалъ за всѣ шутки и за Андрюху. Дворникъ сѣно гуртовщику запродасть и гуртовщика то въ этотъ самый день звалъ на покосъ сѣно посмотреть. – Идетъ Маланька черезъ поляну и о чемъ думаетъ, Богъ ее знаетъ: и солдатка тутъ съ Н[икифоромъ] въ головѣ и Андрюха – сама ушла, и жалко ей крѣпко Андрюху, и все; идетъ, видитъ – на встрѣчу челоуѣкъ на конѣ верхомъ ѣдетъ. Кафтанъ купеческой, картузъ, изъ кафтана рубаха александринская, сапоги козловые, конь низовой, молодецкой и на конѣ сѣдокъ, изъ себя молодчина – орель, одно слово сказать, толстый, румяный, чернобровый, волоса черные, кудрявые, борода, усы чуть пробиваются. ѣдетъ, трубочку, мѣдью выложенную, покуриваетъ, плеткой ременной помахиваетъ. Изъ себя, сказать, что красавецъ, кто его не зналъ. Маланька не видывала его въ жизнь, а мы такъ коротко знали Матвѣй Романыча, гуртовщика. Такой шельмы другой, даромъ что молодой, по всей губерніи не было. Насчетъ ли бабъ, дѣвокъ обмануть, скотину чумную спустить, лошадыми барышничать, рожицу гдѣ набить, отступнаго взять – дошлой былъ, даромъ что годовъ 20 съ чѣмъ, и отецъ такая же каналья.

– Здравствуй, тетушка, куда Богъ несетъ?

А самъ поперекъ дороги сталъ.

– Домой идемъ, что дорогу загородилъ, я и обойду.

Повернулъ лошадь, за ней поѣхалъ. Посмотрить на него баба – орель, думаетъ, это не Андрюхъ чета.

– Какъ тебя зовутъ, молодайка?

– А тебѣ начто?

– Да нато, чтобы знать, чья такая красавица бабочка.

– Какая ни есть, да не про тебя. Нечего смѣяться то.

– Какой смѣяться. Да я для такой бабочки и ничего не пожалею. Какъ звать?

– Маланьей. Чего еще нужно?

(Онъ опять дорогу загородилъ). Слѣзть сталъ.

– Мотри! – да граблями на него.

– А по отчеству какъ?

– Радивоновна.

Слѣзъ, пошелъ съ ней рядомъ.

– Ахъ, Маланья Радивоновна, хоть бы поотдохнула минутку, ужъ такъ то ты мнѣ полюбилась.

А Маланька какъ чуетъ чего недобраго, и лестно ей, и любо, и жутко, все скорѣе шагу прибавляетъ.

– Ты своей дорогой ступай, а я своей. Вотъ мужики сзади ѣдутъ. Тебѣ дорога туда, а мнѣ сюда.

– Маланья Радивоновна, мнѣ, – говоритъ, – за тобой не въ тягость идти.

Взялъ изъ кармана платокъ красный, досталъ, ей подаетъ.

– Не нужно мнѣ отъ тебѣ ничего, брось.

– Матушка, красавица, Малашенька! – говорить. – Что велишь, то и сдѣлаю, полюби только меня. Какъ увидаль тебя, не знаю что надо мной сдѣлалось. Красавица ласковая, полюби ты меня!

И Богъ знаетъ, что съ нею сдѣлалось, такая бой-баба съ другими. Только потупилась, молчить и сказать ничего не умѣетъ. Схватилъ онъ ее за руки.

– Негаданная, незнатая ты моя красавица, Маланья Радивоновна, полюбилъ я тебя, что силы моей нѣту. 10 мѣсяцевъ дома не бываль, – самъ блѣдный какъ полотенцо сталь, глазами блестить, – мочи моей нѣтъ. – Сложилъ руки такъ то: – Богомъ прошу тебя, – голосъ дрожить, – постой на часъ, сверни ты съ дороги, Маланья Радивоновна, утѣшь ты мои тѣлеса. –

Растерялась, только и сказала:

– Ты чужой, я тебя не знаю.

– Я чужой, и стыдъ съ собой увезу.

Да какъ схватить ее на руки, – мужикъ здоровый, – понесъ ее сердешную.

Разузналъ все объ ней, гдѣ дворъ, и гдѣ ночуетъ, вынулъ кошелекъ изъ-за, пазухи, досталь цѣлковый рубль, далъ ей. Взвыла баба:

– Пожалѣй ты меня, не срами.

– Вотъ тебѣ, – говорить, – моя память, а завтра какъ темно, такъ я засвищу на задворкѣ.

Проводилъ ее до выхода изъ лѣсу, сѣлъ на коня и былъ таковъ.

5.

Пришла домой, старикъ, старуха ничего не знаютъ, не вѣдаютъ, а видять – баба другая стала. Ни къ чему не возьметса, все куда бѣгаетъ. Андрюхъ еще тошнѣ стало. Пришелъ онъ разъ къ ней на гумно, сталь говорить, такъ какъ на злодѣя напустилась, остервенилась вовсе, заплакала даже.

– И не смѣй ты говорить мнѣ ничего, навязался – чортъ – пошутить нельзя, – заплакала даже, – отъ тебя мнѣ горе все.

Ничего не понялъ, еще тошнѣ стало Андрею, а все уйти силы нѣтъ. Хотѣлъ отецъ его на другое мѣсто поставить, много лишковъ давали, такъ нѣтъ, – говорить, – я даромъ здѣсь жить стану, а въ чужіе люди не пойду.

Туть, съ этаго покоса, и погода переменилась, дожди пошли беспрестанные; которая мужицкая часть осталась, такъ и сопрѣла въ лугахъ. Кое-что, кое что высушили по ригамъ. Съ утра и до вечера лило; грязь, ни пахать – изъ рукъ соха вырывается, гужи размокають, ни сѣно убирать, ничего. – Идетъ разъ Андрюха въ ригу, на барщину, по лужамъ посклизается, шлепаеть; видить, баба, накрымшисъ платкомъ, съ хворостиной, голыми ногами по грязи ступаетъ – корову Маланья искала. Дождь такъ и льетъ какъ изъ ведра цѣлый день, скотину въ полъ не удержатъ пастухи. Смотрить, гуртовщикъ ѣдетъ, поровнялся съ ней.

– Нынче, – говорить.

Маланья голову нагнула. «Такъ вотъ кто», думаетъ Андрей. Пришелъ домой, спать не легъ, все слушалъ. Слышитъ, свиснулъ кто то за гумнами. Маланья выскочила, побѣжала. Пришелъ Андрей къ овину, видить – мужикъ чужой.

– Ты кто?

– Работникъ.

Идиллия. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo

– Не сказывай, на двугривенный. Взял Андрей двугривенный, что станешь дѣлать. Только не Андрей одинъ узналъ, стали замѣчать по деревнѣ: часто наѣзжаетъ гуртовщикъ, Маланька съ солдаткой бѣгаетъ. – Ну, да мало ли что говорятъ, върнаго никто не зналъ. Пріѣзжаетъ разъ Евстратъ ночью. Слышалъ ли онъ, или такъ, – бабы нѣтъ.

– Она, – говорятъ, – на гумно пошла.

Пошелъ въ овинъ – голоса. Задрожалъ даже весь. Въ сарай, глядь – сапоги.

– Эй, кто тамъ? – да дубиной какъ треснетъ; дворникъ въ ворота, да бѣжать. Малашка выскочила въ рубахѣ одной, въ ноги.

– Чьи сапоги?

– Виновата.

– Ладно-жъ, ступай въ избу.

А самъ сапоги взялъ понесъ. Легъ спать одинъ. Утромъ взялъ черезсѣдѣльню свиль, видитъ Андрей. Зазвадь бабу въ чуланъ, ну жучить; что больше бьетъ, то больше сердце расходится. – «Не гуляй, не гуляй! – за волоса да объ землю, глазъ подбилъ. А она думаетъ: «Въ брюхѣ то что сидитъ, не выбьешь».

Мать стала просить. Какъ крикнетъ: «Кто меня учить съ женой будетъ!» что мать застыдилась, прощенья просить стала. Запрегъ лошадь, поѣхалъ съ Андреемъ пахать. Сталь допрашивать.

– Ничего не знаю.

Пріѣхалъ домой, отпрегъ, баба ужинать собираетъ – летаетъ, не ходитъ; умылась, убралась, синякъ видно, и не смѣетъ взглянуть. Поужинали. Старики пошли въ чуланъ. Легъ на полати, къ краю, ничего не говорить.

– Туши лучину.

Потушила. «Что будетъ дѣлать?» думаетъ. Слышитъ, разувается. Ладно. Видитъ, прошла мимо окна. Въдъ шесть мѣсяцевъ дома не былъ, да и побилъ. Такъ то мила она ему. Подлѣ него зашевелилась молча. Приподняла армякъ, какъ прыгнетъ къ нему, какъ козочка, въ одной рубахѣ, обняла, чуть не задушила.

– Не будешь?

– Не поминай!

Съ тѣхъ поръ и забыла думать о дворникѣ. [26] А Евстратъ сапоги продалъ за 6 р. и смѣялся часто:

– Не попался онъ, я бы съ него и армякъ снялъ.

Андрюха дожилъ до Покрова и пошелъ домой и долго все не забывалъ, а тутъ на него землю приняли, женили. Черезъ 9 мѣсяцевъ Маланья родила, выпечатала въ дворника, и любимый ее былъ старшій этотъ самый Петрушка.

ВАРИАНТЫ ИЗ РУКОПИСЕЙ «ИДИЛЛИИ»

ИДИЛЛІЯ

не играй съ огнемъ – обожжешься.

[ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ]

[1.]

Маланья Дунаиха взята изъ чужой деревни – Малевки. Сосваталъ ее старикъ Дутловъ за старшаго сына но знакомству. Своихъ невѣсть тогда въ деревнѣ не было, да и дѣвочка была славная и изъ дому хорошаго. – Замужъ она вышла всего годочковъ 14; вовсе ребенокъ несмысленной была. Ни силы еще, ни понятія вовсе не было. На груди занавѣску гдѣ хочешь перетяни, какъ скатерть на столѣ постели. Чуть примѣтно, что не парень паневу надѣлъ. Не скажешь, что баба, даромъ что платкомъ повязана. Понесетъ ушатъ съ водой, такъ какъ лозинка качается. А Евстрата – мужа такъ звали – съ перваго начала страхъ не любила. – Какъ огня боялась. Онъ, бывало, къ

Идиллия. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo

ней, а она плакать, щипать, кусать его примется. Всѣ плечи, руки у него въ синякахъ были. И не мѣсяць и не два, а годъ и другой и третій не любила она его. Ну, бабочка она акуратная изъ себя, смиренная, да и жили то дутловы по Божьему и исправно, такъ и не принуждали джуге молодайку ни къ работѣ, ни что. –

Дутловы въ то время – хоть не богачи были – а люди съ достаткомъ. Старикъ самъ въ порѣ еще былъ, тягло тянулъ, сына женилъ, другую землю принялъ; второй сынъ, Трифонъ, ужъ подсобка была, пахаль; солдатка еще съ ними жила, барщина не тяжелая была; лошадей было головъ 8 съ жеребятами, двѣ коровы, пчелки были (и теперъ у нихъ та же порода ведется). Дороже всего, что старикъ мастеръ былъ по колесной части, и Евстратка у него понялъ хорошо, такъ что кромѣ всего наработки хорошіе были; и въ работѣ то натуги не было, и ѣли хорошо, въ праздникъ и винца купятъ.

Прошелъ годъ, и два, и три, какъ Маланька въ дворъ вошла, повыросла, раздумянилась, раздобрѣла, повывравнялась бабочка, такъ что узнать нельзя. Въ праздникъ уберется – бусы, ленты, платокъ ковровый, выйдетъ на улицу – изо всѣхъ бабъ баба. И изъ дому то было, да и мужъ гостинцами дарилъ, какъ купчиха какая. Платокъ алый, брови черные, глаза свѣтлые, лицо румяное, чистое, сарафанъ ситцевый, коты строченые, сама какъ береза бѣлая была, никакой болѣзни никогда надъ собой не знала. Выйдетъ ли въ хороводъ борша водить – краля; или плясать поидетъ, – такъ ажъ пятки въ спину влипаютъ – картина. Къ работѣ тоже очень ловка и сносна стала. Съ граблями ли, съ серпомъ, на барщинѣ ли, дома – никого впередъ не пустить, такую ухватку себѣ взяла, замучаетъ бабъ всѣхъ, а домой идетъ – пѣсню запоетъ, помужицки такъ, изъ за рожи слышно, <али пляшетъ передъ хороводомъ>. А домой придетъ – ужинать соберетъ, старухъ подсобить. – Свекоръ съ свекровью не нарадуются, какая молодайка вышла, а мужъ и души не чаялъ. Бывало, ни въ праздникъ, ни въ будни пройти ей не дадутъ; всякой поиграть хочеть – старики, и тѣ приставали. Со всѣми смѣется, только худого ничего не слышно было; одного мужа любила, такъ то къ нему привыкла, что какъ на недѣлю ушлетъ его отецъ за ободьями, [27] или что, такъ какъ тоскуетъ <воетъ воетъ, словно по матери родной убивается>; а прѣдетъ мужъ, и не знаетъ какъ приласкать, не то что прежде – къ себѣ подойти не пускала, какъ кобылка степная.

– Вишь, по комъ вое, – говорить ей разъ сосѣдъ Никита, – конопатаго чорта то какъ жалѣя, какого добра не видала, – пошутить онъ.

Такъ какъ вскинется на него. Хотѣлъ онъ было поиграть съ ней – куда.

– Конопатый, да лучше тебя, что ты чистый, а вотъ что тебѣ отъ меня.

Да какъ ткнетъ ему пальцемъ подъ носъ. Оно точно, Евстратъ-то ея конопатый былъ и изъ себя нескладный, длинный, грубой, неразговорчивой мужикъ былъ. Только что здоровъ, противъ него силой другого по деревнѣ не было, и хозяинъ иастоящій былъ. Даромъ что молодой, отецъ его одного, бывало, за всякими дѣлами посылаетъ. Что я, что Евстратка, все одно, говорить. И Евстратка жену еще пуще любить сталъ, только въ одномъ скучалъ, что дѣтей не было. Бывало и старуха скажетъ:

– Что не рожаешь, буде гулять-то: порадовалась бы, хоть внучку покачала, Маланьюшка, право.

– А развѣ я бы не рада, – скажетъ, – ужъ и то людей стыдно. Намеднись и то Ризунова изъ церкви съ младенцомъ прошла, молитву принимала; всего второй годъ замужемъ. Такъ у ней небось мужъ дома живетъ.

Извѣстно, годъ-другой погулять бабъ не порокъ, ну, а какъ баба то ражая, въ самой порѣ, а дѣтей не рожаетъ, и народъ смѣяться станеть.

Отъ этаго Малань на третій годъ пуще тошно стало, какъ свекоръ мужа на все лѣто въ работу за 100 верстъ отдалъ. Сына за 120 р. отдалъ, а работника нанялъ за 32 р. да рукавицы. Хозяину разсчетъ, а бабѣ горе. Взвыла баба, какъ проводила его, какъ будто сердце что чуяло. Какъ по матери родной убивалась.

И пѣсня поется: «Безъ тебя, мой другъ, постеля холодна».

<Дѣло молодое, жаркое, въ самомъ соку баба, всегда съ народомъ, съ молодыми ребятами на работѣ съ утра до поздней ночи. Тоже и мясо ѣла. Тотъ пристаеть, другой пристаеть, а мужа черезъ три мѣсяца жди>. Днемъ смѣется, смѣется съ

Идиллия. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo народомъ, а послѣ ужина схватить, сердешная, постель да къ солдаткѣ въ чуланъ. Страшно, – говорить, – Настасьюшка, одной. Да еще все просится къ стѣнкѣ. Все, говоритъ, – чудится, что вотъ вотъ схватить кто меня за мои ноженьки, потащить меня – боюсь страхъ. – А сама не знаетъ, чего боится. И баба кажись не таковская, чтобы побояться чего нибудь.

2.

И прежде приставали къ бабѣ, а какъ мужъ уѣхалъ, такъ вовсе покою съ утра до вечера давать не стали. Она и сама говорила, что такого веселья, какъ въ это лѣто, никогда ей не было. И случаевъ много ей было, коли бы захотѣла пустяками заниматься. – Придетъ, бывало, съ утра староста повѣщать, еще зорька занимается; къ другимъ десятскаго пошлетъ, а ужъ къ Дутловымъ самъ зайдетъ, часъ цѣлой сидитъ, съ бабами шутить. Старостой Михей ходилъ, малый молодой, немученый и до бабъ іорникъ бѣда былъ. Какъ только одну захватить, и начнетъ:

– Только прикажи, что хочешь сдѣлаю, никуда посылать не стану, мужа на оброкъ выхлопочу, платокъ куплю, что велишь, все сдѣлаю, все могу, только не мучь ты меня.

Такъ ни да, ни нѣтъ не скажетъ.

– На барщину, – говорить, – посылай, мнѣ веселѣй на мѣру работать, дома таже работа; платка твоего мнѣ не нужно, мнѣ мужъ привезетъ; на оброкъ мы и такъ не хотимъ, а сдѣлать ты мнѣ ничего не можешь. Не боюсь тебя, да и все.

Честью просить станеть:

– Маланьюшка, матушка, вѣдь много другихъ бабъ, а ни одна не мила.

Обниметь ее, такъ смѣется:

– Ладно, ладно, – говорить. – Развѣ можно теперь, хозяинъ придетъ, развѣ хорошо?

– Такъ когда жъ? съ работы?

– Извѣстно, съ работы, какъ пойдетъ народъ, а мы съ тобой въ кусты схоронимся, чтобъ твоя хозяйка не видала. – А сама на всю избу заливаётся, хохочеть.

– А то, моль, разсерчаетъ дже твоя Марфа то старостиха.

Такъ что не знаетъ староста, шутить-ли, нѣтъ-ли. При свекорѣ, при свекрови все свое кричить, не стыдится. Нечего дѣлать, повѣстить, какъ будто затѣмъ только и приходилъ, пойдетъ съ палочкой по другимъ избамъ. А все кого другихъ и лишній разъ пошлетъ, и на тяжелую работу, а Дутловы какъ хотятъ, такъ и ходятъ, и все изъ за Маланьки. – Маланька охотница была на барщину ходить, особенно на покось. Дома приуправится, уберется, какъ на праздникъ, возьметъ грабли, въ завтраки выйдутъ съ солдаткой на покосы.

Идетъ разъ такимъ манеромъ черезъ рошу. Покось на Калиновомъ лугу былъ. Солнышко повышло изъ за лѣса, день красный, а въ лѣсу еще холодокъ. Опоздали они съ солдаткой, разулись, идутъ лѣскомъ, гутарютъ. Только вышли на полъ, мужики господскую пашню поднимаютъ. Много мужиковъ, сохъ 20 на десяти десятинахъ по дорогѣ было. Гришка Болхинъ ближе всѣхъ къ дорогѣ былъ, – шутникъ мужикъ, – завидѣлъ бабъ, завернулъ возжу, уткнулъ соху, вышелъ на дорогу, сталъ играть съ бабами, не пускаетъ. Онъ слово, а они два; другіе ребята молодые тоже сохи побросали, подошли, всѣхъ Маланька переполошила, пѣсню заиграли, плясать вздумали. Такую гульбу сдѣлали, какъ свадьба ровно. Глядь, а изъ за роши прикащикъ верхомъ ѣдетъ. – Какъ завидѣлъ, плетъ поднялъ, запустилъ черезъ пашню рысью на мужиковъ. По щетку лошадь въ пашню вязнетъ – человекъ грузный.

– Сукины дѣти, такіе сякіе, хороводы водить, вотъ я васъ.

Мужики, какъ тараканы изъ подъ чашки, по десятинамъ разбѣжались, а бабы грабли на плеча вскинули, идутъ, какъ ни чего не бывало. Смѣется Маланька. Никого не боялась. Наскакалъ прикащикъ.

Идиллия. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo

– Я, – говорить, – васъ найду, – къ мужикамъ, да на бабъ съ плетью, я васъ, такія сякія, курвы устюжныя, – такая у него пословица была, – въ объѣдъ на покось идутъ; да еще хороводы на полъ водятъ.

Совсѣмъ было осерчалъ, да какъ Маланьку призналъ, такъ и сердце прошло, самъ съ ней посмѣялся.

– Вотъ я, – говорить, – тебя, мужицкіе уроки допахивать заставлю.

– Что жъ, – говорить, – давай соху, я проти мужика выпашу.

– Ну буде, буде. Идите, вонъ еще бабы идутъ. Пора, пора грестъ. Ну, бабы, ну!

Совсѣмъ другой сталь. –

За то придетъ на лугъ, поставятъ бабъ на ряды трестъ, выйдетъ Маланька впередъ, такъ бѣгомъ начнетъ растресать, такъ что бабы ругать зачнутъ: замучала, моль, совсѣмъ. А начальнику, извѣстно, любо – смѣется.

Зато когда объѣдать или шабашить пора, замучаются бабы, промежь себя поговариваютъ, <пора бы отпустить>, Маланька прямо къ начальнику идетъ, отпустить просить, и отпустятъ. Никого она не боялась. Въ рабочую пору разъ как-то спѣшная уборка была, цѣлый день работали, а объѣдать домой не отпускали. Хлѣбца закусили, присѣли отдохнуть на полчаса. И прикащикъ за объѣдомъ домой посылалъ, тутъ же съ бабами въ холодокъ съѣлъ.

– Что, кума, спать будешь? – говорить. Онъ съ Маланькой крестилъ.

– Нѣтъ, – говорить, – зачѣмъ спать, только раззадоришься.

– Такъ поищи въ головѣ, Маланьюшка, смерть люблю.

Легъ къ ней на колѣни, какъ разъ заснулъ. Такъ что жъ? Взяла березокъ, вѣниковъ нарвала, – бабы ей подали, – убрала ему вѣнками голову всю, за рубаху натыкала, въ носъ ему листьевъ засунула. Проснулся, гогочутъ бабы, на него гляючи – покуда хватился. И ничего.

А то прѣхаль баринъ въ это же лѣто, былъ съ нимъ холопъ, такая бестія продувная, что бѣда. Самъ, бывало, рассказываетъ, какъ барина обманываетъ, у него деньги таскаетъ. Это бы все ничего, только насчетъ бабъ такой подлый былъ, что страхъ.

Комментарий А. С. Петровского
ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ «ИДИЛЛИИ».

Мысль повести «Идиллия» была подана Толстому рассказом яснополянской крестьянки. 25 мая 1860 г. он пишет в Дневнике: «Андреева мать много рассказывала. Как она побиралась и у богомолочек хлебушка попросила – слезы. Главное, от кого она понесла Андрея. «Положи ноги в телегу. Утешь мои телеса. Отпечатала». «Андреева мать» – повидимому, мать Андрея Ильича Соболева, бывшего долгое время приказчиком в Ясной поляне и неоднократно упоминаемого в Дневниках и в «Воспоминаниях детства». Это предположение приобретает большую убедительность, если мы вспомним, что героиня «Идиллии» Маланья – мать «большого человека – управляющего Петра Евстратьича», и что Петр Евстратьевич Воробьев был управляющим имением брата Льва Николаевича, гр. Н.Н. Толстого. Описывая в повести живых еще в Ясной поляне лиц, Толстой иногда слегка маскирует их, давая им имена сходных по положению лиц из другой деревни. Записанное в Дневнике выражение «утешь мои телеса» целиком перенесено в «Идиллию» и вложено в уста гуртовщика – соблазнителя Маланьи; также и «отпечатала» – в несколько измененном виде: «Через 9 мес[яцев] М[аланья] родила, выпечатала в дворника».

Через несколько месяцев, уже за границей, рассказ крестьянки начинает претворяться в замысел литературного произведения. Об этом свидетельствует несколько дневниковых записей, которые – если не с полной уверенностью, то, во всяком случае, без большой натяжки – можно отнести к «Идиллии».

7 августа 1860 г. Толстой записывает в Дневнике: «Мысль повести. Работник из

Идиллия. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo
всех одолел девку или бабу. Формы еще не знаю».

8 августа: «Форма повести: смотрит с точки мужика; уважение к богатству
мужицкому, консерватизм; насмешка и презрение к праздности; не сам живет, а Бог
водит».

29 августа: «Дорогой пришла мысль о простоте рассказа – живо представляя
слушателя Андрея».

28 октября: «Дописать первую главу с обеда. После обеда письма. Утро писал,
помешали Semainville и зов обедать. Написал не больше половины главы. Писем не
писал: Завтра до завтрака писать письма и докончить главу и 3-ю, ежели успею»

Если последняя запись не относится к «Казакам», над которыми Толстой – хотя и не
систематически – продолжал работать за границей, то она может быть приурочена
только к «Идиллии», рукопись которой делится на пять глав.

Наконец, последнее упоминание о работе над «Идиллией» мы усматриваем в записи,
открывающей Дневник 1861 г., не датированной, но непосредственно предшествующей
записи от 13 апреля: «Что прошло в эти 4 месяца? Трудно записать теперь. Италия,
Ницца, Флоренция, Ливурно. Попытка писания Акс[иньи]».

Эта запись нуждается в объяснении.

Последние годы перед женитьбой Льва Николаевича были периодом очень сильного
увлечения его яснополянской крестьянкой Аксиньей Аникановой, изображенного в
носящем несомненно автобиографические черты рассказе «Дьявол». Если сравнить
героиню «Дьявола» Степаниду с Маланьей из «Идиллии» или из «Тихона и Маланьи»,
то портретное сходство заставит прийти к заключению о тождественности
изображенного в них прототипа. Та же Аксинья – и на этот раз даже под своим
именем – изображена в лице жены Илюшки Дутлова в написанной почти одновременно
повести «Поликушка». Это позволяет нам дешифровать «попытку писания Акс.», как
«попытку писанья Аксиньи». Следует однако заметить, что последняя запись, как и
записи от 7, 8 и 29 августа, может быть с одинаковым правом отнесена как к
«Идиллии», так и к «Тихону и Маланье», где под именем Маланьи фигурирует,
видимо, та же Аксинья. Если наше предположение верно, то в рассказе Толстого мы
имеем приурочение рассказа Андреевой матери к личности Аксиньи.

У нас нет данных, чтобы судить, возвращался ли Толстой к работе над «Идиллией»
после приезда в Россию, или она была закончена за границей. Надписи крупными
буквами поперек текста рукописи № 1, намечающие основные вехи рассказа, как
будто говорят о намерении подвергнуть его новой обработке. Возможно, что
рассказ, написанный в форме сказа, не удовлетворил Толстого, и он тогда же
вернулся к той же теме – и к той же героине – в повести «Тихон и Маланья»,
которую по справедливости следует рассматривать лишь как новую редакцию
«Идиллии».

При жизни Толстого «Идиллия» не увидела света. Оба варианта ее были напечатаны,
по не вполне исправной копии, во II томе «Посмертных художественных произведений
Льва Николаевича Толстого», под ред. В. Г. Черткова, изд. А. Л. Толстой, М.
1911, стр. 153–173 и 245–249.

По подлинной рукописи они печатаются впервые в настоящем издании.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ «ИДИЛЛИИ».

В архиве Толстого в Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина хранятся две
черновых рукописи рассказа «Идиллия».

1. (Папка VI. 42, I.) Автограф Толстого. Тетрадка в 18 листов белой писчей
бумаги, без клейма и водяных знаков, форматом в 4°. Листы были вырваны из
шнуровой тетради с пробитыми по левому краю сверху и снизу двумя круглыми
дырками, и сшиты посредством продетого через верхнюю дырку шнурка. Лл. 1–18
исписаны сильно выцветшими чернилами с обеих сторон, кроме л. 18, который на
обороте остался белым, и нумерованы позднее другими, синими, чернилами рукой С.
А. Толстой. Вверху первого листа, у самого верхнего края, надписанное Л. Н.
Толстым, повидимому, позднее заглавие: «Оно заработки хорошо да и грѣхъ бываетъ

Идиллия. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo
съ ними». После заглавия, посреди строки, цифра «1». Рукопись разделена на пять нумерованных арабскими цифрами, посреди строки, глав. Не датирована; на основании дневниковых записей должна быть отнесена ко второй половине 1860 г.

л. 1 начинается: «Оно заработка хорошо да и грѣхъ бываетъ отъ того»; затем, посреди строки, цифра «1», и далее: «Петръ Евстратычъ теперъ большой человекъ – управляющій».

л. 18 recto кончается: «и любимый былъ ея старшій, этотъ самый Петрушка».

2. (Папка VI, 42, 2.) Автограф Толстого. 6 листов из той же тетради, исписанных с обеих сторон выцветшими чернилами и нумерованных синими чернилами позднее. В обложке, на которой рукой С. А. Толстой написано: «Идиллія. Гр. Л. Н. Толстого. 2-ой вариант». Заглавие на первом листе: «Идиллія. Не играй с огнемъ – обожжешься». Рядом со словом «Идиллія» рукой С. А. Толстой, в круглых скобках, прибавлено: «Написано до 1862-го года». Датируется так же, как и рук. № 1.

л. 1 начинается (после заглавия): «Маланья Дунаиха взята изъ чужой деревни – Малевки».

л. 6 recto кончается: «только насчетъ бабъ такой подлый былъ, что страхъ».

ПРЕДИСЛОВИЕ К СЕДЬМОМУ ТОМУ.

В настоящий том входят произведения 1856–1869 гг.

Кроме рассказа «Поликушка», печатаемого по тексту «Русского вестника», в этот том включены варианты к этому рассказу, извлеченные из черновых рукописей Толстого, а также шесть произведений, опубликованных после его смерти: «Тихон и Маланья», «Идиллия», «Сон», «Оазис», «Зараженное семейство» и «Комедия в 3-х действиях».

Впервые печатаются следующие наброски и рассказы художественного содержания в большинстве Толстым не озаглавленные. «Отрывки рассказов из деревенской жизни», «Рождественская елка», «Анекдот о застенчивом молодом человеке», «Степан Семенович», «Убийца жены» и четыре драматических отрывка: «Дворянское семейство», «Практический человек», «Дядюшкино благословение» и «Свободная любовь».

Группу отрывков философского содержания, впервые публикуемых, составляют: «О характере мышления в молодости и старости», «О насилии», «О религии» и «Философский отрывок».

В число впервые печатаемых отрывков публицистического содержания входят: «Заметка о Тульской полиции» и «О браке и призвании женщины».

В текстологических работах настоящего тома деятельное участие принимала А. И. Толстая-Попова.

Н. М. Мендельсон.

А. С. Петровский.

В. Ф. Саводник.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Л. Н. Толстого, печатаются по новой орфографии, но с сохранением больших букв, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и с воспроизведением начертаний до-Гротовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Л. Н. Толстого и лиц его круга (брычка, цаловать).

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Л. Н. Толстого (произведения неотделанные, незаконченные, только начатые, а также черновые тексты опубликованных произведений, соблюдаются следующие правила:

Идиллия. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания Толстым одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого»).

Слова, пропущенные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это «ударение» не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах, поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

На месте слов, неудобных в печати, ставится в двойных прямых скобках цифра, обозначающая число пропущенных редактором слов: [[1]].

Неполно написанные конечные буквы (как, например, крючок вниз, вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» и т. п., лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова в процессе беглого письма, для экономии времени, писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, печатаются один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?].

На месте не поддающихся прочтению слов ставится [1 неразобр.] или [2 неразобр.], и т. д., где цифры обозначают число неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи печатается (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительно по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сносках, а в самом тексте и ставятся в ломаных < > скобках; однако в некоторых случаях допускается воспроизведение и отдельных зачеркнутых слов в ломаных скобках в тексте, а не в сноске.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом. Дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении «многоточий» Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без

Идиллия. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo
оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске:
Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что произведение печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Л. Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

Иллюстрации

фототипия с фотографического портрета Толстого 1862 г. (размер подлинника) между XII и 1 стр. стр.

Примечания

1

Зачеркнуто: молодю, вовсе дѣвчонка, несмысленокъ была, годочковъ 14, и силъ вовсе не было. На груди занавѣску гдѣ хочешь перевежи, какъ скатерть на столъ – вовсе ребенокъ была. Понесеть бывало

2

Зачеркнуто: А акуратненькая, чернобровинькая бабочка была, только <молодость еще> молода.

3

Зачеркнуто: такъ взвыла, какъ по матери родной убивалась. «Что, говорю, воешь, – какъ то я къ свекору ее зашелъ въ то время, вижу заливаеця баба. – Вишь какого добра не видала, – говорю, – конопатаго чорта-то». Я пошутилъ (онъ точно конопатый, не хорошій изъ себя былъ, только силенъ ужастъ былъ и мужикъ добрый), «какого добра не видала», пошутилъ я ей, значить. Такъ какъ вскинется на меня.

4

Зачеркнуто: жопу.

5

В подлиннике: посывыпали

6

В подлиннике: съномъ

7

В подлиннике: всѣми

8

Зачеркнуто: и пѣсни играть гораздъ былъ,

9

В подлиннике: ухватила

10

Идиллия. Лев Николаевич Толстой to1stou1eo

Зачеркнуто: Просто это было въ старину. Ну а Андрюха ни за что при бабахъ раздѣваться не станеть, все стыдится. – Только

11

Поперек рукописи от слова: Особенно до: гребни, написано: Андрюха рѣшился серчать

12

В подлиннике: пѣсню

13

В подлиннике: стали

14

Поперек рукописи от слов: Мужики за ними до слов: Разсчитать возьму, написано: свечера приехали

15

В подлиннике: думаю

16

Зачеркнуто: песню петь

17

Зачеркнуто: И такой голосъ тихой и не смѣется.

18

Зачеркнуто: Да какъ завоюетъ.

19

Поперек рукописи от слов: Не миль мнѣ никто, до слов: Андрюха засмѣялся. написано: заставила его борта водить. И что смѣшного, что бѣдный ушелъ, заплакалъ. Она пришла къ нему.

20

Зачеркнуто: А мнѣ никто не миль, окромья мужа.

21

В подлиннике: ухватила

22

Поперек рукописи, со слов: Бабъ возить заставили, до слов: успѣвай соскакивать, написано: Все чище, чище.

23

В подлиннике: сѣномъ

24

Зачеркнуто: заработался, значить, малый. – Что ты, али спать? – Баба смѣется, только глядь, он какъ полотенцо бѣлое.

25

Зачеркнуто: умираешь

Идиллия. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo

26

В подлиннике рукой С. А. Толстой сверху надписано: гуртовщикъ.

27 В подлиннике: обидями

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!